

Социологические исследования: правила научного метода

Методология социологического исследования как технологический процесс. Безличность социологического знания. Четыре постулата научного этоса: универсализм, всеобщность, бескорыстие, организованный скептицизм). Правильность как критерий достоверности социологических данных.

Возникновение методологии социологических исследований стало возможным на пересечении академической социологической теории, практики массовых социальных обследований и техники экспериментальной проверки гипотез. Поворот от социальных обследований к социологическим исследованиям почти незаметен: первостепенный интерес стали вызывать не сведения о жизни и не «паблисити» проекта, а универсальная связь между отдельными переменными. Восприняв математико-статистический аппарат, социология восприняла и нормы экспериментальной науки.

Наиболее существенный вклад в формирование «объективного метода» в социальных обследованиях внесли эксперименты по шкалированию установки, которые впервые были осуществлены Э. Богардусом и Ф. Олпорт в 1920-е гг. Эта традиция со временем привела к противопоставлению «качественных» описаний случаев и количественных методов проверки гипотез. (Девятко И.Ф. Диагностическая процедура в социологии: Очерк истории и теории. М.: Наука, 1993. С. 11, 16.).

Социологические исследования отличаются от социальных обследований прежде всего по цели: в первом случае целью работы специалиста является знание как самодостаточная ценность, во втором случае ценность достигаемых результатов определяется их информативностью и полезностью для общества. В первом случае наибольшее значение имеет достоверность, во втором — информативность. Данные массовых опросов получают признание (и финансирование) в обществе лишь в том случае, если они вызывают интерес общественности либо правящих кругов. Даже самая высококачественная информация, полученная в процессе обследований, быстро устаревает и теряет ценность. Поэтому «сервейер» стремится обогнать сегодняшний день и обеспечить «свежие» данные. Критерий, используемый исследователем, несколько иной — знание считается качественным до тех пор, пока оно не опровергнуто новыми данными.

Социологические доктрины, социологические обследования и социологические исследования — три основных методологических стиля в социологии, — как уже говорилось, характеризуют преимущественные ориентации исследователей и в чистом виде существуют редко. Даже самые абстрактные, социологические доктрины содержат ссылки на факты и обстоятельства, иллюстрирующие авторскую мысль. Использование организованных данных требует уже более осторожного обращения с идеями.

Преобладание информационного компонента присуще социальным обследованиям. Но

идеи не уходят, поскольку без связующего теоретического контекста факты теряют смысл и картина мира рассыпается. Социологическое исследование, ограничивающее свой предмет четко поставленными гипотезами и использующее строгие методы обоснования научного вывода, также содержит метафорический компонент. Он выражается прежде всего в концептуальной лексиконе и риторике исследования, выборе релевантных переменных и интерпретации данных. Таким образом, «качественный» дискурс в социологии создает смысловой фон, на котором приобретают устойчивые очертания проекты измерений.

Самый общий взгляд на социологическую методологию заключается в вопросе «Как проводить исследование?». Методолог вынужден абстрагироваться от предмета исследования — от «что?» — и обратиться к нормам, регламентирующим процесс получения научного знания, — к «как?». Поскольку под собирательным термином «социология» имеются в виду не только теории в собственном смысле слова, но и различные «дискурсы», в том числе «идеологии», общепринятых норм социологической методологии не существует. Всемирный социологический конгресс 1990 г. в Мадриде прошел под девизом «Много социологии для одного мира». Даже если это и так, многочисленные «социологии» свидетельствуют о разочаровании в возможности найти один-единственный правильный путь к истине.

В основании новоевропейской научной методологии лежит сформировавшееся в XVII в. убеждение в том, что существуют однозначно интерпретируемые правила, следуя которым можно прийти к результату исследования: из всех возможных путей к истине ведет один, все остальные ведут к заблуждению. В современной науке понятие методологии приобрело черты неопределенности и не соотносится с ясными и отчетливыми истинами. Под методологией понимаются правила, согласно которым происходит принятие либо отбрасывание теорий и исследовательских программ. Во-первых, эти правила функционируют в качестве кодекса научной честности, во-вторых, выполняют функцию жесткого ядра нормативной (историографической) исследовательской программы. (Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Б.С. Грязнова и В.Н. Садовского; Пер. с англ. А.Л. Никифорова. М.: Прогресс, 1978. С. 204 — 205.).

В центре внимания методолога находится вопрос: почему именно эти факты, а не другие, были выбраны в качестве предмета исследования? На этот вопрос можно, ответить, исходя либо из «внутренней» (интерналистской) теории рациональности, либо из внешних — социальных — обстоятельств, сопряженных с формированием исторически определенного корпуса знаний. В этом отношении наука Галилея несопоставима с наукой Эйнштейна. В основе научного знания лежит не всегда артикулированное мировоззрение, миф, в соответствии с которым формируются теоретические постулаты и «позитивные эвристики», определяющие значимые темы исследования, корпус гипотез и подтверждающих примеров. Всё это охватывается понятием «исследовательская программа», предложенным И. Лакатосом.

Исследовательская программа, состоящая из «жесткого ядра» и «защитного пояса», обеспечивает относительную автономность научной теории как от решающих экспериментов, так и от социальных обстоятельств воспроизводства знания.

Когда Томас Кун предложил использовать понятие «парадигмы», он имел в виду некую когнитивную модель, взаимодействующую с социальным измерением науки. Эта когнитивная модель последовательно проходит состояния «нормальной науки» и

«научной революции». В дальнейшем контекст использования понятия «парадигма» значительно расширился. Оно стало рассматриваться не как когнитивная, а, наоборот, как социальная характеристика, обозначающая «согласие установок» ученых. Отсюда вытекает предположение о высокой степени консенсуса, присущей «парадигматическим наукам» — например, физике и химии, а социология и политология находятся, в соответствии с этой точкой зрения, на допарадигматической стадии развития. (Logahl J., Gordon G. The structure of scientific fields and the functioning of university graduate departments // American Sociological Review. 1972. Vol. 37. P. 57—72.).

Сциентистский взгляд на науку исходит из неявного предположения, что знание не зависит — в принципе — от личных качеств людей, занятых в этой области. Ни социально-исторические обстоятельства, ни биографические подробности, ни даже преемственность научных школ не объясняют возникновение идеи. Знание (эпистема) выступает в качестве общезначимой и самодостаточной сферы деятельности, по отношению к которой вненаучные реалии могут в лучшем случае рассматриваться как сопутствующие. Иной подход задан социологией знания. Знание здесь перестает быть «монадой» и выводится из неких «более объективных обстоятельств», будь это «аппетиты» (у британских моралистов XVII в.), социальное положение личности (у О. Конта и К. Маркса), антропологические характеристики (у А. де Гобино). Во всех этих случаях методология науки включает в себя, помимо идей, жизненную историю ученых и описание современной им «общественности», причем предполагается высокая корреляция между внутринаучным и вненаучным измерениями.

Что касается социологической методологии, то она в значительной степени является рациональной реконструкцией «духа времени» и зависит как от личной биографии ученого, так и от общественных отношений.

Положение дел проясняется при обращении к социальным ролям социолога. Социолог может играть роль исследователя — и тогда он обязан принять к исполнению нормы науки как рационального дискурса, независимого от интересов и ценностей.

Обслуживание определенных интересов — корпорации, партии, институтов политической власти, частных лиц — заставляет социолога мыслить совершенно иными категориями, чем «научный» исследователь: он должен производить не новое знание, а обеспечивать эффективные решения. Не касаясь случаев, когда социолог сам становится лицом, принимающим решения, обозначим эту его роль как роль консультанта. Часто социолог принимает многообразные роли публициста и ставит своей целью влиять на общественность. С этими ролями сопряжена роль идеолога — социолог вырабатывает предписания относительно общественного сознания. Пытаясь произвести впечатление на профессионально неподготовленную публику, социолог волей-неволей превращается в демагога и софиста (эти слова в данном случае не обязательно имеют уничижительный оттенок). Роль пророка является светской имитацией религиозного визионерства. Так или иначе, социология связана с выполнением миссии интеллектуала либо интеллигента, посвятившего свою жизнь служению гражданским и этическим ценностям. Из всех возможных методологий — публицистических, идеологических, пророческих — нас будет интересовать социологическая методология, основанная на универсальной научной процедуре. Закономерный вопрос: каких социологов больше? К. Кнорр в своем исследовании 1973 — 1974 гг. распределила 624 обществоведа Австрии на три типа в зависимости от предпочитаемой методологии. «Диалектики» — это те, кто сами не проводят

наблюдений и экспериментов, не пользуются статистическими процедурами, преимущественно рассуждают и лучшей оценкой для себя считают «проницательность». «Эмпирики» используют измерения взаимозависимостей и аналогичные расчеты, чтобы продемонстрировать полученные результаты. «Аналитики» — те, кто использует чисто математические исчисления, например уравнения и линейную алгебру. В итоге историки и политологи получили низкую оценку методологического консенсуса. Методологию, которой свойственна неясность концептуальных подходов, К. Кнорр назвала «качественной». Социологи и психологи оказались по преимуществу эмпириками, а экономисты — аналитиками. Гипотеза о возрастании консенсуса в научном сообществе по оси «диалектики» — «эмпирики» — «аналитики» подтвердилась: консенсус признали 80% «аналитиков» и ни один из «диалектиков». К. Кнорр ранжировала дисциплины по уровню методологического консенсуса: в истории индекс составил 43,5%, в экономике — 33,7%, в менеджменте — 28,8%, в психологии — 24,5%, в социологии — 17,1%, в педагогике — 14,9%, в политологии — 10,5% и в урбанистике — 7,4%²⁸. Вместе с тем такие показатели методологического консенсуса, как ссылки на один и тот же авторитет, по данным К. Коулмена, в социологии даже выше, чем в физике. (Knorr K. The nature of scientific consensus and the case of the social sciences // International Journal of Sociology. 1978. Vol. 8. No. 1/2. P. 113-145.).

Ежегодное собрание Американской социологической ассоциации, состоявшееся в 1962г., перед Всемирным социологическим конгрессом в Вашингтоне, было посвящено «применениям» социологии («The uses of sociology»). Инициатором обсуждения этой темы был П. Лазарсфельд, который рискнул включить социологов в число «людей, делающих политику». В дискуссии о профессиональных ролях социолога на конгрессе выступил Эверетт Хьюз. Свой доклад он назвал «Социология и общественность». Хьюз напомнил дюркгеймовское понятие «вселенная дискурса», соотносящееся с коллективными представлениями, для того, чтобы кардинальным образом разделить профессиональный язык социологии и профанный язык общественности. Социолог обязан владеть первым — техническим — языком для общения с коллегами, обыденным языком — для изучения «общественности» и, кроме того, ему нужен третий язык — язык общественности, к которой он должен обращаться по поводу применения результатов социологических исследований. «Поскольку мы имеем дело с важными проблемами, люди ждут от нас чего-то важного, — говорил Хьюз, — это большое искушение». (Hughes E. Sociologists and the public // Hughes E. The Sociological Eye: Selected papers. Chicago: Aldine, Atherton, 1971. P. 463.).

Научная социологическая методология являет собой некий идеальный образец, и отличить ученого от идеолога довольно трудно. Социальные роли часто «переключаются» без особых затруднений. Однако одна важная черта позволяет различить эти интеллектуальные роли. «Методология» публициста, идеолога и пророка представляет собой личное дарование, результат которого невозможно воспроизвести. Чтобы освоить христианскую социологическую методологию отца Сергия Булгакова, нужно быть отцом Сергием Булгаковым. Ясно, что, если социологи будут смотреть на мир с позиций своего личного уникального опыта, они вряд ли придут к единому мнению относительно предмета исследования, основных понятий и измерений, техники сбора данных, процедуры анализа. Результат исследования может быть воспроизведен при соблюдении стандартных правил научного вывода — этот принцип отличает науку от творчества. Можно ли написать второго «Дон Кихота», как это мечтал сделать

борхесовский Пьер Менар? Нет. Для этого нужно быть Сервантесом и повторить его судьбу. А научная методология в числе своих основополагающих «как?» диктует отстранение от личного дарования и принятие технических, обезличенных норм производства знания. «Дон Кихота» написать еще раз невозможно, а «Американского солдата» — знаменитое исследование Самюэля Стауффера — повторить хотя и трудно, но можно.

Методологию социологического исследования сравнивают с технологическим процессом на фабрике. Здесь не имеют значения ни личные переживания, ни национальность, ни вероисповедание, ни пол, ни возраст, ни что-либо подобное, но только умение производить знание по правилам науки.

Если так, то научная идея представляет собой не любую сколь угодно глубокую мысль, а вывод, к которому могли бы прийти ученые, разделяющие исходные концептуализации и нормы исследования. Поэтому научное знание безлично и принадлежит в конечном счете профессиональному сообществу, иными словами, «группе компетентности». Не случайно в научных работах принято писать: «Мы установили...», «Нами доказано...».

«Мы» — в данном случае не претензия на величие, а указание на неразличимость своего «Я» в равнодушной всеобщности умозаключений.

Применительно к социологии данное требование кажется слишком жестким.

Действительно, социолог томистской ориентации придерживается принципиально иных концептуализации и дискурсивных техник, чем марксист, и их обоих не захочет понимать бихевиорист. Все они представляют исключительный интерес для психоаналитика.

Отсюда следует, что для сохранения единства исследовательской программы социологии имеет смысл хотя бы иногда отстраняться не только от пола, но и от теоретических убеждений (в той мере, в какой убеждения переросли в заинтересованность).

Что же остается? Остаются некоторые правила научного дискурса — матрица значений, за пределами которой нельзя говорить о рассуждении и понимании. Иногда эту матрицу называют научной парадигмой. Надо сказать, что она не лучше и не хуже других способов познания мира — чувственности, созерцания либо экзальтации. Просто наука не любит, когда к ней примешивается инородное, и сама ни к чему не примешивается, предпочитая независимость успеху.

Логические принципы научного исследования являются следствием принятия профессионалом определенных этических обязательств — правил получения и воспроизводства знания. Эти правила сводятся в функционалистской школе социологии науки к понятиям универсализма, общности, бескорыстия и организованного скептицизма. Н. Сторер раскрывает содержание четырех мертоновских постулатов научного этоса следующим образом: универсализм — это убеждение в том, что явления природы повсюду одинаковы и истинность утверждений не зависит от утверждающего; всеобщность предполагает, что знание является всеобщим достоянием и доступ к нему открыт для всех; бескорыстие означает, что ученый не должен использовать свои открытия для личной выгоды; организованный скептицизм — это ответственность каждого ученого за доброкачественную работу других и за предание гласности оценок работы коллег. (Сторер Н. Социология науки // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского; Ред. и вступ. ст. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1972. С. 253.)

Цель социологической методологии заключается в обосновании генерализаций — общих

суждений об определенной области действительности. Иногда обобщения могут быть выработаны без особой методологии. «Русские — терпеливы», «демократический строй обеспечивает права и свободы личности», «нравственность в Соединенных Штатах обратно пропорциональна тиражу газет» — эти высказывания могут оказаться истинными либо ложными, но до тех пор, пока не будет развернута процедура их получения, ни о том, ни о другом нельзя судить с уверенностью. Здравый смысл апеллирует к примерам: человек вспоминает своего знакомого — русского, отличающегося весьма нетерпеливым характером. Но сколько бы примеров не приводилось, из них не возникнет генерализация — общее суждение о характере русских. Только в том случае, если соблюдены методологические правила вывода данного суждения, оно может считаться научным. Поэтому можно сказать, что необходимым критерием истинности генерализаций является методологическая правильность.

Иными словами, исследователь обязан не просто декларировать, а доказать, что русские — терпеливы, демократия обеспечивает права и свободы личности, а нравственность каким-то чудным образом сопряжена с чтением газет.

Разумеется, сколь угодно тщательное научное доказательство не является гарантией истинности общезначимого суждения. Истина в последней инстанции провозглашается только провидцами и пророками — теми, кто исходит из сверхъестественного дара и способности к откровению. Наука имеет мало общего с пророческим жанром и занимается в основном предпоследними истинами, которые рано или поздно можно опровергнуть. Более того, нормы и идеалы научного исследования предписывают систематическое опровержение установленных генерализаций, поиск таких фактов, которые противоречат общепринятому мнению. Это и есть та норма, которую Р. Мертон назвал организованным скептицизмом. Таким образом, наука развивается посредством опровержений своих собственных истин, однако этот процесс совершается в рамках определенной системы эпистемических норм, регламентирующих научный вывод. Как происходит «легитимация» эпистемических норм науки — вопрос особый. В своей повседневной жизни люди постоянно объясняют происходящее на основе здравого смысла, не особенно задумываясь над обоснованием своих умозаключений. В принципе социолог решает аналогичные задачи, пытаясь объяснить, почему события происходят в определенной последовательности. Однако научное социологическое объяснение принципиально отличается от суждений здравого смысла тем, что должно быть выведено из общих закономерностей, установленных на основе объективных правил логического доказательства. Здесь работает уже не личный опыт распознавания и предвидения, а безличная процедура обоснования общезначимых заключений, которые могут быть воспроизведены при соблюдении заданных условий. Эта процедура обладает неизмеримо меньшими возможностями, чем суждения здравого смысла, и поэтому социологи часто апеллируют в своих выводах к критерию правдоподобия. Вместе с тем здравый смысл склонен неоправданно расширять область своего применения и, главное, чрезмерно зависит от того, что хотелось бы считать истиной. В данном пункте наука и здравый смысл могут оказаться несовместимыми.